

«Стихи из ничего растут»*

Поэты XX века о своем творчестве

© Л.Л. БЕЛЬСКАЯ,

доктор филологических наук

Конец XX – начало XXI века в России – это эпоха глобальных перемен: перестройка, развал Советского Союза, переход от социализма к капитализму, зачатки демократии. Все это немедленно отразилось в художественной литературе и прежде всего в лирической поэзии. Если С. Кублановскому прежде все мерещились «то яма, то барак», и стихи были «предтечами плача» и «честной речью оброчной» в «блочной глухой совдепии», то теперь «судьба стиха – миродержавная», а поэтическое слово – «двуязыльное», хотя вкус «приторной полыни во рту стихослагателя, глотающего слюну», все еще не исчез, как и ощущение себя пленником, прижившимся в плену у неприятеля (Пленник, 1999).

Д. Быков убеждается, что во все времена «без битья поэта нет». И пусть на фоне Блока он не поэт, но все же полезен Богу как «лакмус» и потому стал выступать в двух ипостасях – сатирика («гражданина поэта») с «горько-едкими» стихами и лирика, любящего слова, которые «из мухи делают слона, причем летающего», и испытывающего блаженство от «синхронных окончаний строк», от «сладострастных стонов гласных» и «сжатых губ согласных» (Муза, 1991). К сожалению, Муза с го-

* Окончание. См. Русская речь. 2015. №№ 4, 5, 6.

дами реже прилетает, дремлет и «мямлит вяло, без куражу, / потому что близкое будущее / отменит то, что я скажу» («Не рвусь заканчивать...», 2010). И стихотворец вдруг ощущает свою жизнь скучной (Брюзга и странница), а свои сочинения – чужими: «Эта строка из Бродского, та из Ибсена – / Что моего тут, собственно? Где я истинный?» («Вынь из меня все это...», 2011).

Сомневается в себе и Лариса Миллер, хватит ли у нее способности выразить в стихах «несказанное» и будут ли они «свидетельством боли живой»: «Мои беспомощные звуки – / Всего лишь знак сердечной муки», «Неужто мой удел – качать колокола / Во имя слов чудных и членораздельных, / Не лучше ли молчать?», то есть поэтессе не радуется колокольный звон в ее поэзии в противовес традиционному образу колокола у Лермонтова, Огарева, Блока, а в наше время у Чичибабина («В онемевшее небо, как в колокол, бью»). Но есть и мгновения счастья, когда «счастливые слова (...) в загадочном порядке появляются в тетрадке», когда «парной рифмы два крыла» обнимают жизнь, приподнимают ее над землей, «чтоб в день грядущий отнести и от забвения спасти» («А день летуч...», 2004).

Как и сто лет назад, в эпоху русского модернизма, современные стихотворцы смелее экспериментируют: кто освобождается от рифмы и пишет белые стихи (Ю. Левитанский), кто обращается к верлибру (В. Куприянов), кто проповедует концептуализм (Д. Пригов), кто пародирует все и всех (Т. Кибиров), кто не чурается сленга и ненормативной лексики (Б. Рыжий).

Чаще других пытаются охарактеризовать поэзию и свои стихи верлибристы: «В поэзии главное – тайна, / в прозе – конспирация» (М. Кузьмин); «Поэзии не надо много слов. / Стихотворение – зеленый мостик / от человека к человеку, / прозрачный бросок кузнечика с былинки на былинку» (Э. Шмитке); «Стихотворение – если это творение – всегда больше / того, кто его написал» (Н. Панченко); «Стихи – / подсолнечники / подстрочники / солнца / стихи – снежинки / для заждавшихся снега» (В. Куприянов).

В творчестве постмодернистов многообразно и обильно подвергаются пародированию тексты предшественников, в том числе и хрестоматийные: «Свободы сеятель пустынный / Сбирает скудные дары», «Быть знаменитым некрасиво» (И. Иртеньев); «А знаменитым быть, конечно, некрасиво, / Когда уже ты знаменит», «Страх обо мне пройдет по всей Руси великой» (Д. Пригов); «Отчего тоска и грусть не берут поэта? / Ну а я как Тройка-Русь: / Не даю ответа» (В. Вишневский); «Поэзия – езда в неизвестное / электричкой» (В. Павлова).

Особенно повезло ахматовской фразе «Когда б вы знали, из какого сора / Растут стихи, не ведая стыда», на которую откликнулись и И. Лисянская («Стихи из ничего растут, а не из сора»), и Н. Моршен («Растут

стихи бывает, что из сора», но сорняки у забора «растут, как орхидеи. Из с-е-м-я-н!»), и В. Павлова («Когда б вы знали, из какого сора / растут у нас в деревне сорняки»), и Т. Кибиров: «Сложить стихи / исключительно из чепухи, / из совсем уж смешной ерунды, / из пустейшей словесной руды». Как видно из последнего примера, нынешние поэты любят объединять в одном контексте цитаты и аллюзии из произведений разных авторов (в данном случае – из Ахматовой и Маяковского). Оригинально, в нескольких словах соединила пушкинский и ахматовский афоризмы В. Павлова: «Должна быть глуповата / Одна великолепная цитата». Поразительную контаминацию, составленную из цитатных «кусочков» и намеков на любимых поэтов, находим у Л. Лосева: «Версты, белая стая да черный бокал, / аониды да желтая кофта» (Цветаева, Ахматова, Блок, Мандельштам, Маяковский).

Нередко классические цитаты и образы не только переиначиваются и переосмысливаются, но и приземляются, а порой «опускаются ниже плинтуса»: « Под ним струя – но не лазури» (И. Иргеньев), «Муза, забыв, что мир спасает красота, / зовет меня в отхожие места» (Т. Кибиров). А уж в каком только обличье не предстает Муза у теперешних авторов: «Эх ты, муза моя невезучая!» (Ю. Ким), «Моя строгая девочка. Моя хмурая Белоснежка» (Т. Радецкая); «На пороге шедевра / стояла Муза, / но почему / в хохочущей шубе?» (М. Кузьмин); «Давно уж Музы ни гу-гу» (Л. Лосев); «неспесивая Муза моя» (С. Погреб), «моя замурзанная муза» (Б. Кенжеев); «Муза-шмуза, все пустое», «Ах, Муза, Музычка! Как будто первый год, / дурилка, замужем» (Т. Кибиров); «Муза, о чем с тобой говорить? / Ты не рожала», «Вытри слезы, одерни юбку» (В. Павлова).

Любопытно, что и о себе стихотворцы говорят не менее иронично и тоже ссылаются на классиков. Например, Кибиров в «Обзоре прессы» (2002) пишет: «Я помню, как совсем без драки / попал в большие забияки (“привет” Крылову), / клеймил я то-та-ли-та-ризм! / Певцы возвышенной печали / мне снисходительно пеняли / за грубый утилитаризм / и неуместный прозаизм» (у Пушкина «ненужный прозаизм»). Д. Пригов уверяет, что современники должны его «больше, чем Пушкина, любить», так как он пишет о них и он «добрый, честный», а в итоге делает такое гротескное признание: «Я тот самый Пушкин и есть» («Когда я размышляю о поэзии...»).

Среди поэтов последнего десятилетия больше других проблемами творчества интересуется Вера Павлова, посвятившая ему целый сборник «На том берегу речи. Стихи о поэзии» (2009). С одной стороны, поэтесса ставит себя в один ряд с Ахматовой и Цветаевой, характеризуя себя так: «Ради сойтия лексем / в ласке русалкой плавала / и уплывала совсем / Павлова». А с другой стороны, заявляет, что «писать, а тем паче печатать вирши / еще стыдней, чем выбрасывать мусор / в контейнер, в

котором роется нищий». Ну что там можно найти? – «осколки, обрывки, очистки, огрызки». Да и что может подарить Муза? – «бред, маразм, детский лепет». Тогда возникает на бумаге строчка, которая «лыка не вяжет – гулит, мычит, стрекочет, всхлипывает». Обратите внимание на пристрастие Павловой к синонимике.

Отметим также, что многочисленные формулировки поэзии, придуманные ею, неожиданны и подчас загадочны: «Поэзия – музей закопанных богов», «стихи не должны быть точными», а должны быть «проточными»; поэтическое слово сурово, «словно подпись или печать»; «стихотворение – чек на предьявителя»; «Поэзия – ложь во спасение / идеи, что слово – Бог»; «высовывается строка, / как яблоко из червяка»; «Стихотворение – автоответчик. / Автор вышел. Вряд ли вернется». Выдавая себя за эротического автора, она наделяет сексуальностью и Музу, у которой могут быть женихи: «Я тебя у Музы отбила. / Боюсь, что она отомстит». И стихи нужно писать так, «как изменять мужу: быстро, тайком». Похоже на то, что поэтесса поставила перед собой задачу говорить то, «что никто никогда не скажет» – и выполняет ее. Даже с чужими цитатами она поступает также непредсказуемо и уверена, что «одну великолепную цитату неточностями можно оживить». Если В. Вишневский обыграл знаменитую пушкинскую строчку кратко: «И долго буду тем любезен я и этим», то Павлова продолжила ее пространно и неподвижно: «И долго буду тем любезна, / что на краю гудящей бездны / я подтыкала одеяла / и милость к спящим призывала».

Поэзия В. Павловой отличается лаконизмом и предпочтением миниатюр, концентрацией мысли и парадоксальностью образов, раскованностью ритма и сгущенной метафоричностью: «Слабое или сильное, / Формула или невнятица, / стихотворение – чернильное / облако каракаптицы». Но при этом она настаивает на том, что стихи не должны быть искусственными, что, если искать рифму и соблюдать размер, они не получатся, не сложатся, а если изобретать изощренные метафоры, то можно утратить свежесть восприятия поэзии.

Закорючки молний над заливом –
так звезда автографы дает,
так поэт сравнением красивым
убивает впечатленье влет.

А у нас создается впечатление, что поэтесса присоединяется к суждению мастера афористических строк Н. Глазкова, который на вопрос, как следует писать стихи, отвечал, что не надо принимать на веру никаких «дельных указаний по поводу стихописаний»: «В стихах лишь тот себя прославил, / Кто не придерживался правил». И начинает казаться, что такой уверенности в своей уникальности и самобытности,

как у В. Павловой, не было у большинства русских поэтов, начиная с Баратынского.

Завершая наше путешествие по страницам трехвековой истории русской поэзии, мы приходим к заключению, что эстетические воззрения стихотворцев и их отзывы о своем творчестве настолько многообразны и разноречивы, что подвести их к общему знаменателю невозможно. Кто-то сомневался в своем таланте, а кто-то высоко оценивал его; кто-то предпочитал рассуждать вообще о поэтическом искусстве, а кто-то любил «копаться» в собственной творческой лаборатории; кто-то призывал Музу и общался с ней, а кто-то и не вспоминал о ней; кого-то привлекал публицистический пафос, а кого-то – сатира; кто-то превозносил Поэзию до небес, а кто-то проклинал ее и обзывал «пресволочнейшей штукой».

С чем и с кем только ни сравнивали поэты свои стихи за три столетия! Со свирелью и трубой, с различными птицами – от орлов до жаворонков; с цветами и придорожными кустами, с садом и домом; с Божьим глазом и громом небесным; с унылыми осенними днями и белыми туманами, со стихией и молнией; с журчанием ручья и морскими волнами; с беспощадным бичом и разящим кинжалом; с непонятным ребусом и снами; с тяжелым фундаментом и дровами для костра; со сторожевым псом и Золушкой. Это «стихов моих белая стая» (Ахматова) и «стихов виноградное мясо» (Мандельштам); «лесенка-песенка в сердце другое» (Хлебников) и «дитя любви, нищий, незаконнорожденный» (Цветаева); «память о прошедшем бреде» (Гумилев) и «крылатый взмах качелей» (Волошин); «веселые акафисты» (Кузмин) и «недоноски духа» (С. Парнок); «стих – матерый лапоть» (Клюев) и «звериных стихов моих грусть» (Есенин); «старое, но грозное оружие» (Маяковский) и «бормотанье сверчка и ребенка» (Заболоцкий); «стихотворения чудный театр» (Ахмадулина) и «обязанность стиха быть органом стыда» (Вознесенский); «следствие одичания, первый крик молчания» (Бродский) и «конфетки из всякого дерьма» (Кибиров). Кстати, в «Словаре языка поэзии. Образный арсенал русской лирики конца XVIII – начала XX вв.» (М., 2004) собрано более 4500 образных слов и выражений, в том числе и о поэтическом произведении и стихах – от «гласа моей звенящей лиры» Державина и «Дедала рифм и слов» Батюшкова до «отравы стихов» Анненского и «молитвы губ моих надменных» Ахматовой.

А какими эпитетами награждали Музу ее поклонники! Наряду с расхожими и обычными – *веселая, печальная, несчастная, молодая, резвая, вольная, гордая, ласковая, задорная, бедная, угрюмая, далекая, шутливая, суровая, плачущая, своенравная*, – встречаются и более индивидуальные и своеобразные: *стыдливая* (Пушкин), *праздношатающаяся* (Вяземский), *скорбящая и кнутом иссеченная* (Некрасов), *ропчущая* (Полонский), *неблагодарная, несловоохотливая и глухонемая* (Парнок),

причудница мрака, обрученная мне (Антокольский), домоседка мудрая и спокойная (Елагин), недоверчивая к любви (Бродский), подкидыш никудышных муз (В. Корнилов).

Но всем стихотворцам вне зависимости от их художественных вкусов и взглядов хотелось иметь «лица необщее выраженье» и все стремились следовать пушкинскому завету: «Будь всякий при своем». А в общем, как сказал Булат Окуджава:

Каждый пишет, как он слышит,
Каждый слышит, как он дышит.
Как он дышит, так и пишет,
Не стараясь угодить...

*Цфат,
Израиль*